

меньше видѣлъ истины и смысла. И когда пришелъ, когда зазвучалъ „весенній шумъ, зеленый шумъ“ жизни, Касатскій не могъ не послушать и не послушаться его. Чудный майскій вечеръ, кусты въ цвѣту, въ кустахъ щелкаютъ и заливаются соловьи, жуки летаютъ. А Сергій въ этой обстановкѣ умственную молитву творитъ, псаломъ читаетъ,— „и вдругъ, среди псалма, откуда ни возьмись, воробей слетѣлъ съ куста на землю и, чиликая, попрыгивая, подскочилъ къ нему“. Это гениально: среди псалма воробей. Природа ворвалась въ умственную молитву, и какъ-разъ это должно было бы не ослабить, а усилить религіозность отца Сергія. „Соловьи заливались; жукъ налетѣлъ на него и поползъ по затылку. Онъ сбросилъ его. „Да есть ли Онъ? Что, какъ я стучусь у запертаго снаружи дома? Замокъ на двери, и я могъ бы видѣть его. Замокъ этотъ — соловьи, жуки, природа“. Именно если такъ думаешь, то на вопросъ „есть ли Онъ?“ отвѣтишь утвердительно. Ибо Онъ, это—Она. Отъ Нея, природы, приходишь къ Нему; по крайней мѣрѣ, именно этимъ ключемъ, силою своего натурализма, ирраціональной мощью генія, стихійностью своего существа, открывалъ Толстой-художникъ всѣ двери тайнъ, осязательно являлъ міру божественность міра. Религіозны не его богословскіе трактаты, а его романы, какъ религіознѣе птицы, чѣмъ псалмы. И хотя отецъ Сергій отгонялъ отъ себя какъ ересь, какъ наводеніе, эти мысли натурализма, но явилась ему натура